

КОНЦЕПТ СОБОРНОСТИ В ФИЛОСОФИИ С. Н. БУЛГАКОВА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ЦЕРКОВНОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ В ПОСТСЕКУЛЯРНОМ ОБЩЕСТВЕ

А. В. Тонковидова

*Кубанский государственный университет физической культуры,
спорта и туризма*

Поступила в редакцию 27 мая 2021 г.

Аннотация: в статье рассматриваются взгляды С. Н. Булгакова по вопросу диалектической актуализации соборности на бытийном уровне ее становления в таком значении, как церковная социальность, в постсекулярном обществе, определяются ее основные черты. В качестве онтологического основания церковной социальности выступает соборность. Тип личности, возникающий в церковной социальности, – это «религиозная личность», проживающая соборность как «странствование». Дается качественная характеристика религиозной, социальной, половой, правовой, политической, экономической, гражданской, эстетической, военной идентичности «странствования». Выявляется диалектика имманентного и трансцендентного, присущая церковной социальности и соборности.

Ключевые слова: соборность, церковная социальность, «религиозная личность», «странствование», постсекулярное общество, диалектика.

Abstract: in the teachings of S. N. Bulgakov's sobornost, being in dialectical development, at the level of its beingness is actualized in such a meaning as church sociality, in a post-secular society, its main features are determined. Sobornost acts as the ontological basis of church sociality. The type of personality that arises in church sociality is a «religious personality» who lives sobornost as a «wandering». A qualitative characteristic of the religious, social, sexual, legal, political, economic, civil, aesthetic, military identity of «wandering» is given. The dialectic of the immanent and the transcendent, inherent in church sociality and sobornost, is revealed.

Key words: sobornost, church sociality, «religious personality», «wandering», post-secular society, dialectics.

На сегодняшний день актуальной выступает новая модель общественного развития: «религиозное общество» – «секулярное общество» – «постсекулярное общество», в котором отмечается переход от глобализации к локализации [1, с. 51; 2, с. 73]. В «постсекулярном обществе» человек, проживая свою «постсекулярную» повседневность, одновременно актуализует в деятельном аспекте светскую социальность и церковную социальность.

Выполняя в светской социальности разнообразные функции, мы ориентируемся на заданную шкалу, подчас конвенциональных, прагматических имманентных ценностей, одновременно с этим переходя в ситуацию церковной социальности, должны согласовывать свои действия

с трансцендентной шкалой божественных ценностей. Из обозначенного следует диалектическое противоречие «секулярное», «светское» – «религиозное», «церковное».

Ю. Хабермас приходит к выводу, что необходимо, отбросив позитивизм и кантовский подход, на основе постгегелевской саморефлексии, с позиций диалектики найти гармонию веры и знания в согласованности религиозности и секуляризма в постсекулярном обществе, в котором возможна «солидарность», при гармонии принципов справедливости и культурных ценностей, обладающих характером сакральности [3, с. 49, 55, 61]. Данное диалектическое противоречие, свойственное постсекулярному обществу, обозначается в философии С. Н. Булгакова, который в учении о соборности раскрывает идею о религии как основе социальности и мысль о необходимости «религиозно-культурных» оснований общественного устройства или формирования церковно-светской социальности.

С. Н. Булгаковым в изучении соборности была сделана существенная попытка «заменить диалектику концепций диалектикой людей» [4]. Он преодолевает абстрактную диалектику отвлеченных понятий и возводит ее до диалектики богочеловечества, диалектики духа, диалектики соборности. Диалектика соборности, раскрывающаяся от абстрактного к конкретному, актуализуется в таких формах своего диалектического развития, как бытие – церковной, сущность – светской, понятие – церковно-светской социальности. Н. Бердяев писал, что в этом случае возникает диалектика, не логическая, а жизненная, экзистенциальная диалектика «божественного и человеческого», диалектика «богочеловечности» [5, с. 28–29, 31].

Задачей нашего исследования выступает на основании диалектического подхода рассмотрение концепта соборности С. Н. Булгакова на уровне бытийности в качестве теоретического основания церковной социальности в постсекулярном обществе, находящей выражение в личных практиках религиозности в связи с отмечаемым преимущественно личным характером постсекулярной религиозности [6; 7].

Бытийность соборности в церковной социальности, была отмечена С. С. Хорунжием в философской концепции соборности А. С. Хомякова. Хорунжий пишет, что у Хомякова прослеживается раскрытие «диалектики отшельнической соборности» через православный подвиг, молитву, антиномичное соединение общего и отдельного [8, с. 5]. Церковная социальность, по Хомякову, – это сама жизнь, в которой актуализуется соборность на своем бытийном уровне, через ее прожитие, с присущим индивидуальным прихождением к Богу через молитву [9, с. 21]. На наш взгляд, данный подход к пониманию соборности как находящейся в своей бытийности в церковной социальности был развит у С. Н. Булгакова, философия которого, по мнению Хорунжего, находится «в русле идей» Хомякова [8, с. 176].

С. Н. Булгаков пишет, что церковная социальность, в основе которой лежит соборность как символ веры, может проявляться в одной истории

ко-культурной среде наряду со светской социальностью; им обозначается проблема диалектической обусловленности церковного и светского. В ситуации церковной социальности Бог и мир трансцендентны по отношению друг к другу, что приводит к тому, что сама соборность содержится в качестве возможности, потенциальности своей реализации в мире имманентном. Соборность уходит в мир трансцендентного, божественного. Социальность в церковности обуславливается трансцендентностью божественного в диалектике с имманентным миром. Антиномизм в церковной социальности связан с трансцендентностью Бога, что приводит к отделенности Бога и человека. Но данная ситуация содержит в себе возможность религии [10, с. 171]. Вера в Бога и сам Бог находятся на разных уровнях: трансцендентном и имманентном. Имманентное С. Н. Булгаков определяет в работе «Свет невечерний» как то, что существует в пределах сознания [там же, с. 40]. Религиозную трансцендентность рациональное познание не охватывает, оно «вне собственной досягаемости» для человека [там же, с. 43]. Для ее постижения необходимы «чудо, благодать, свобода», идущие со стороны трансцендентного Бога [там же, с. 45]. Данный путь познавательной деятельности С. Н. Булгаков называет «религиозным путем».

В статье Дж. Хит «Трагедия философии С. Н. Булгакова» на основе булгаковских текстов изучается понятие соборности, создается описание «аскета», «святого» как формы прожития соборности в церковной социальности, отмечается, что ему диалектически противоположны «художник» и «философ» светской социальности [11]. Мы в своем исследовании выделяем «странствование» как прожитие соборности в церковной социальности, раскрывающееся в философии С. Н. Булгакова [12, с. 266].

Термин «странствование» мы находим и у Гете, для которого «странствование» – это «личная» религия, или «религия для личного употребления», синтез, мозаичность всех религий и верований [13]. В работе «Новое Средневековье» Н. А. Бердяев вводит термин «странствование», обозначающий бытие соборности на новом качественном уровне «эпохи исторического странствования» [14, с. 7].

В странствовании, по С. Н. Булгакову, возникает «религиозная личность». «Религиозную личность» мы не можем отождествить с социальной группой, в которой она развивается в связи с тем, что она определяется в свете Божественного, лежащего в основе ценностной шкалы. Деятельность «религиозной личности» связана с трансцендентными ценностями, главной из которых выступает Бог. Социальная и личностная идентификация, встраивание в социальность предполагают и такую характеристику, как «отрешенность, отчуждение» от мира [10, с. 236], попытку в определенную историческую эпоху создать внеисторическую социальную реальность, или антиисторизм [12, с. 400]. В церковной социальности присутствует антиномия Абсолютного и относительного, антиномия тварности [10, с. 246]. Основной моделью решения данных антиномий в церковной социальности С. Н. Булгаков усматривает в выходе за пределы мира в Божественное Ничто. Социальный идеал – это

«голое отрицание мира» [там же, с. 264]. Соборность как основание социальной и личной идентичности трансцендентна. С. Н. Булгаков определяет именно религиозную идентичность как основание церковной социальности. Постулируется вневременный аскетизм, на основе которого должна быть сформирована социальная и личностная идентичность [там же, с. 285]. Для «религиозной личности» свойственны аскетизм, не-отмирность, антиисторизм [12, с. 400]. В церковной социальности преобладает эсхатологизм, эмпирическое отрицается ради трансцендентного, возникает духовный деспотизм [там же, с. 401]. Церковная социальность выносит себя вне мира, истории и культуры, основной характеристикой выступает религиозность [там же, с. 263]. Это автономная социальность, стремящаяся в мир трансцендентного.

Сама социальность в своем значении церковной социальности рассматривалась С. Н. Булгаковым лишь в отношении к божественному. В светской социальности, по С. Н. Булгакову, возникает «героизм» художников и философов, о чем пишет Дж. Хит [11]. Подвижничество определяется в церковно-светской социальности [15, с. 284, 294].

Индивидуальная религиозность «постсекулярного общества» находит свое основание в описываемом С. Н. Булгаковым внеисторизме, вневременности, неустойчивости «странствования», что связано с глубокой религиозных чувств [12, с. 267]. Церковная социальность предполагает нивелирование телесности, стирание значимости половой идентичности [10, с. 285]. Религиозное заслоняет собой эстетическое [12, с. 267]. Гражданская идентификация происходит в церковной социальности не с государством как «царстве мира сего», а соотносится с Царством Божьим, миром трансцендентного [там же, с. 270]. Имманентные религиозные ценности светской социальности, утвержденные государством, заменяются трансцендентными религиозными ценностями. Но государство, прежде всего, рассматривается как институт религиозный, а не политический [там же, с. 270]. Государство как основание светской социальности, с культом человекобожия, героя, имеющее имманентные основания, основанное на принуждении, отрицалось в церковной социальности. В то же время государство, представленное не как божество, а как форма социального устройства, – это орудие добра и порядка. С. Н. Булгаков, рассматривая политическую идентификацию в церковной социальности, отмечает ее второстепенность, выражаемую в «пассивном безразличии» или «анархизме» [там же, с. 273]. Отношения к государству строятся по принципу «извне», с одновременным отказом брать на себя ответственность за государство [там же, с. 275]. В то же время церковная социальность предполагает терпение, отказ от меча и насилия, отход от революции как способа преобразования общественного устройства, любые его формы, воспринимаются как данность. Социальная идентичность носит не общественный, а сугубо личностный характер, для нее свойственно смирение перед внешней социальностью ради решения религиозных задач [там же, с. 276]. Правовая идентичность в церковной социальности также находит свои основания в мире трансцендентного. Норма – это

приоритет закона Божьего над правовыми нормами государства [там же, с. 274]. В церковной социальности существует два подхода к военной идентичности. С одной стороны, Булгаков, опираясь на взгляды Тертуллиана, пишет, что возможен отказ от несения военного долга. Но, с другой стороны, на основании мнения Климента Александрийского военная идентичность может органично вписаться в церковную социальность, за исключением исполнения противоречащих религии предписаний [там же, с. 274]. Экономическая идентичность «религиозной личности» в церковной социальности строится также на базе идеала «добровольной бедности» и «благотворительности», отсутствует стремление к переделу имущества в связи с убежденностью в своей временности на земле [там же, с. 278]. Социальное неравенство оправдывается вследствие того, что экономическая идентичность «странника» неустойчива и выводится из религиозной и этической идентичности. В церковной социальности соборность как символ веры определяются догматами как опытными истинами.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что концепция соборности С. Н. Булгакова может быть рассмотрена как теоретическое основание церковной социальности «постсекулярного общества», в котором отмечается личная устремленность к Богу. Исходя из диалектической триады категории соборности, которая прослеживается в философии С. Н. Булгакова, мы видим, что этап «постсекулярного общества» выступает в качестве переходного момента на пути становления церковно-светской социальности и раскрытия соборности на уровне понятия, где в диалектическом синтезе должны соединиться церковная социальность и светская социальность.

Литература

1. *Стычинский М. С.* Роль религии в процессе формирования коллективной памяти / М. С. Стычинский // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. – 2020. – № 4. – С. 65–74.
2. *Минченко Т. П.* Кризис идей секуляризма и религиозности в постсекулярном обществе / Т. П. Минченко // Вестник Томск. гос. ун-та. – 2013. – № 368. – С. 51–53.
3. *Хабермас Ю.* Диалектика секуляризации. О разуме и религии : пер. с нем. / Ю. Хабермас, Й. Ратцингер (Бенедикт XVI). – М. : Библио-богосл. Ин-т св. ап. Андрея, 2006. – 112 с. – (Современное богословие).
4. *Krasicki J.* «The tragedy» of German philosophy. Remarks on reception of German philosophy in the Russian religious thought (of S. Bulgakov and others) / J. Krasicki // Stud East Eur Thought 62. – 2010. – P. 63–70. – URL: <https://doi.org/10.1007/s11212-010-9100-4>
5. *Бердяев Н. А.* Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого / Н. А. Бердяев. – М. : Директ-Медиа, 2008. – 219 с.
6. *Кныш Е. В.* Соборность как феномен православной культуры : актуальность, критерии, практики / Е. В. Кныш // Культура и цивилизация. – 2017. – Т. 7, № 2А. – С. 382–400.

7. Кныш Е. В. Христианские практики в постсекулярную эпоху : новые вызовы / Е. В. Кныш // Успехи современной науки / гл. ред.: С. В. Ключев. – 2016. – Т. 9, № 11. – С. 150–157.

8. Хоружий С. С. Алексей Хомяков : учение о соборности и церкви / С. С. Хоружий // Богословские труды : религиозно-просветительское издание. – М. : Изд-во Моск. Патриархии, 2002. – Сб. 37. – С. 178–189.

9. Хомяков А. С. Соч. : в 2 т. – М. : Моск. филос. фонд : Медиум : Вопросы философии, 1994. – Т. 2: Работы по богословию. – 479 с.

10. Булгаков С. Свет невечерний : созерцания и умозрения / С. Булгаков. – М. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2017. – 672 с.

11. Heath J. On Sergii Bulgakov's the tragedy of philosophy / J. Heath // Modern Theology. – 2021. – № 37 (3), January. – URL: https://www.researchgate.net/publication/348775762_On_Sergii_Bulgakov's_The_Tragedy_of_Philosophy

12. Булгаков С. Н. Два града : исследования о природе общественных идеалов / С. Н. Булгаков. – М. : Астрель, 2008. – 784 с.

13. Гете И. В. Поэзия и правда. Из моей жизни / И. В. Гете. – М. : Рипол-Классик, 2018. – 332 с.

14. Бердяев Н. А. Новое средневековье / Н. А. Бердяев. – М. : Директ-Медиа, 2008. – 114 с.

15. Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви / С. Н. Булгаков. – Минск : Изд-во Белорус. Экзархата, 2011. – 560 с.

Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма

Тонковидова А. В., старший преподаватель кафедры философии, культуроведения и социальных коммуникаций

E-mail: tonkovidova@mail.ru

Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism

Tonkovidova A. V., Lecturer of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications

E-mail: tonkovidova@mail.ru